

ной, особенно когда вопрос носил конкретный характер, а не форму абстрактной идеи.

Одно из правдоподобных объяснений этого — отражение тяжелых экономических условий, в которых большинство россиян живут уже более десяти лет с момента развала советской системы. Как и ожидалось, мы выяснили, что представители высокооплачиваемых профессиональных групп наиболее активно поддерживают гражданские свободы, тогда как группы, сталкивающиеся с наибольшими материальными проблемами (неквалифицированные рабочие, безработные и студенты менее), привержены этим ценностям. Хотя это объяснение в общих чертах соотносится с положением о различиях в представлениях в зависимости от принадлежности к той или иной профессиональной группе, полученные нами данные не подтверждают его всецело. Ни один из показателей материального положения респондентов — заявленный уровень дохода и другие способы измерения благосостояния — не оказывает заметного влияния на степень поддержки гражданских свобод при проведении двумерного анализа. И хотя нельзя не учитывать влияние экономических различий в группах, отличающихся профессиональным статусом и характером занятости, на отношение к гражданским свободам, низкий уровень поддержки демократических идей в российском общественном мнении является следствием других факторов.

Защитники рыночных реформ должны всерьез задуматься над этими результатами. Многомерный анализ показывает, что те, кто поддерживает гражданские свободы, на 66% активнее выступают и за рыночные реформы. Поборники же экономических прав лишь на 31% чаще поддерживают рыночные реформы, несмотря на то, что права собственности входят в блок, приоритетный и для этих респондентов. Подобные данные заставляют еще раз обратить внимание на то, что россияне довольно высоко оценивают защиту экономических прав, образующих несколько противоречивый блок, в котором отдельные из прав плохо сочетаются с целями рыночных реформ. Граждане России высоко ценят социальное обеспечение, право на труд и право на частную собственность. Признание этого обстоятельства может привести в замешательство тех, кто определяет экономическую политику страны. Сторонников свободного рынка не удивит приверженность россиян принципу частной собственности, однако стабильно высокий уровень поддержки социального обеспечения и гарантированной занятости свидетельствует о том, что правительство может столкнуться со значительными трудностями при проведении экономических реформ, связанных с высокой безработицей и снижением социальных гарантий. Следствием такого положения дел станет необходимость балансировать между принципиально различными экономическими целями.

Результаты настоящего исследования неутешительны для тех, кто озабочен будущим гражданских свобод в России. Российские и западные правозащитные организации отмечают усиление угрозы гражданским свободам, однако, согласно нашим выводам, в России это мало кого беспокоит. Например, нами выявлено почти полное безразличие к свободе прессы. Отражение этого явления — в отсутствии живого отклика на захват НТВ и на закрытие ТВ-6. Сочетание общественной апатии и ужесточения контроля за прессой создают условия, благоприятные для нарушения прав человека. Права, которые заботят граждан России в первую очередь, такие, как защита от пыток и от незаконного ареста, нарушаются в Чечне и по всей России, однако эти факты редко попадают в ленту новостей. Правозащитники не имеют широкого доступа к СМИ, так что покушения на права человека часто остаются незамеченными.

Слабость поддержки гражданских свобод российским общественным мнением должна заботить тех, кто желал бы процветания демократии в России. Для демократии необходимы гражданские свободы и независимая пресса. Без этих институтов наличие политических партий и выборов становится малоэффективным, нарушение законов — несложным, поскольку его легко скрыть от общественности. Без активного и гласного общественного движения граждан в защиту своих демократических свобод невозможно предотвратить нарушение этих прав государством, преследующим собственные политические цели.

Перевод А.Леоновой

Лев ГУДКОВ

Отношение к США в России и проблема антиамериканизма

Массовое отношение к США в России интересно рассматривать как индикатор процессов разложения закрытого и репрессивного общества. Складывание антиамериканизма как одной из главных тем советской пропаганды, организации оборонного сознания, консолидации на основе образов "врага" можно отнести главным образом к послевоенному времени, началу "холодной" войны, когда не только США стали создавать мировую систему сдерживания экспансии коммунистического тоталитаризма, но и руководство СССР, утратив окончательно весь свой революционизм, стало выстраивать консервативную систему защиты социалистической системы, опираясь на сети многоуровневой и эшелонированной поддержки социализма с помощью различных дружественных или сочувствующих сил на Западе и в развивающихся странах. Разделения мира на две системы не могло быть без утверждения СССР в качестве победителя во Второй мировой войне, роли лидера антифашистских и "прогрессивно-демократических сил", действующего уже не путем подрывной деятельности, подготовки революции в других странах, а открыто, через самые авторитетные международные организации (ООН и другие). В возникшей после смерти И.Сталина блоковой организации мира только США и СССР были странами, имевшими статус сверхдержав, символическими лидерами двух антагонистических систем. Только США советская бюрократия рассматривала как равного СССР противника, учитывая величину ядерных сил и обычных вооружений, которыми они располагали. Хотя противостояние для советской стороны мыслилось как имеющее тотальный характер, иерархия приоритетов задавалась исключительно потенциалом военного превосходства. Военная мощь — главный критерий политической оценки для советского руководства. Достижение превосходства в этой области было целью всей довоенной внутренней политики, а ее оправданность как бы подтверждалась всем опытом Второй мировой войны. После сталинского поколения советских руководителей (вплоть до самой смерти Л.Брежнева и его преемников) лишь продолжалось курс, который сложился на рубеже конца 1940-х — начала 1950-х годов, используя, разумеется, и страны Варшавского договора, и организационный потенциал коммунистических партий в других странах, движения левых (пацифистов, антиколониалистское движение или национализм новых "наций" из числа стран третьего мира, позднее — зеленых), радикально- экстре-

мистских групп, включая и новые революционистские группировки или сети международного терроризма. Однако всегда главной оставалась задача добиться, а позже — удержать превосходство в военной сфере. К 70-м годам других оснований для сохранения созданной социальной системы (включая и страны социалистического лагеря или номинально приближающиеся к ним — Ливию, Анголу, Алжир и т.п.) уже не существовало. Значимость идеологических обоснований (марксистско-ленинская, "классово-пролетарская", интерпретация социально-исторической, политической, а уж тем более повседневной реальности, романтический революционизм, борьба с империализмом, колониализмом и т.п.) как для номенклатуры, так и для средних и низовых групп бюрократии, не говоря уже о массе, была близка нулю и имела скорее вторичный, инерционный, демонстративно-показной или социально-ритуальный характер. Более значимыми в этом плане был замещающий прежнюю партийную идеологию усиливающийся русский этнонационализм и все менее адекватная из-за своего грубого прагматизма имперская геополитика.

Более 30 лет (после 1959 г.) лозунг Н.Хрущева "Догнать и перегнать Америку" был декларативным выражением основных ориентиров советского руководства и социальной элиты, значимых не в качестве целей реальной политики, а как заявленный уровень будущего материального благополучия*. Сама мысль о нем могла бы попахивать ересью, поскольку она оказывалась в опасной близости с маниловскими представлениями о коммунизме, наступление которого через 20 лет провозглашал Н.Хрущев, однако туманная неопределенность и того, и другого делала их малосущественными. Но, как бы то ни было, эти лозунги и ориентиры, пусть даже и в комически-анекдотичной форме, были важнейшим элементом национально-политической идентификации советского общества, пока в начале 1990-х годов не пришло понимание полного поражения страны в этом одностороннем соперничестве. И здесь казавшиеся ерундой, в которую никто всерьез не верит, ожидания обещанного благополучия (на фоне быстро развивающегося реального кризиса, карточной системы, продовольственного дефицита, социальной нестабильности, более того, частичной аномии) получили известную актуальность в виде дополнительной степени разочарования в руководстве страны, обещавшего в ходе реформ и сближения с Западом жизнь такую, как в "нормальных странах". (Нас здесь интересуют не сами представления о материальном благополучии или Америке, а их принципиальная и нерасторжимая связь с авторитетом власти, ее легитимационной легендой.) Чисто социологически совершенно нелепо говорить о самодостаточности "образа США", о реакциях населения на те или иные действия США или каких-то его представителей. У населения нет какого-то своего самостоятельного отношения к Америке (как полагают некоторые политологи, рассматривающие по инерции или лени его как "народ", как коллективный

* Ю.А.Левада в ходе обсуждения этой статьи напомнил, что сам этот хрущевский лозунг "Догнать Америку по производству мяса и молока на душу населения" был слегка измененным повторением лозунга Сталина "Догнать и перегнать Америку" по производству стали, машиностроительной продукции и т.п., выдвинутый им в 1929 г., в период, когда утверждались планы ускоренной военно-промышленной модернизации. Долгое время после этого аббревиатура "ДИП" воспроизводилась на станках и машинах, выпущенных часто на американском оборудовании, а позже — счищалась в эпоху борьбы с низкопоклонством перед Западом, космополитизмом и утверждения отечественных приоритетов. Н.Хрущев, выдвинувший этот лозунг, чуть было не стал жертвой преждевременного дворцового переворота за "авантюризм" и безответственность, за провокацию у населения необоснованных ожиданий.

субъект действия), которое могло бы возникать под воздействием его особых интересов или спонтанных обстоятельств, независимо от доминирующих института или группы, или всей системы институтов (если мы находимся внутри пост-тоталитарного общества), задающих и воспроизводящих образцы отношения к символическим объектам. В этом смысле отношение к "Америке" — это отношение населения в целом или отдельных групп к ведущим институтам общества, их функциям и характеру их реализации, к "самим себе". Или, чтобы данное рассуждение не выглядело так уж агностицистски, это отношение к чужой и малопонятной по своему духу и ценностям стране, латентно опосредованное мнениями о роли российского руководства в тех или иных событиях и процессах, качествах и целях власти, соответственно, мнениями о мере независимости этого руководства от внешнего давления, дееспособности, моральных достоинствах, "патриотичности", патернализме и т.п., что затрагивает все важнейшие элементы конфигурации самоопределений общества или отдельных групп (структуру коллективной идентичности).

Америка была главным персонажем, своего рода общенациональной "Вандербильтской", с которой "Россия" — определенная часть российского общества (прежде всего социальная элита, отождествляющая себя с государственнической идеологией) — невротически сравнивала себя, пытаясь не столько реализовать, сколько утвердиться в своем варианте другого будущего, какого — неизвестно, но точно другого. Поэтому модернизационные представления, которые намечались "Америкой" (амбивалентность оценок мы сейчас оставим в стороне), играли крайне важную роль в легитимации власти и всей организации советского и постсоветского общества. Парадокс заключался в том, что эта легенда включала два совершенно противоположных комплекса значений: один — модернизационный — должен был оправдывать смену состава высшего руководства в ходе возникших время от времени переворотов наверху из-за отсутствия упорядоченного механизма передачи власти и, соответственно, изменения политического курса (борьба консерваторов с реформаторами). Другой набор представлений — традиционалистский — должен был обеспечить массовое опознание и признание власти и ее функционирование в качестве "своей": патерналистской, персонафицированной, управляющей повседневной жизнью. Отсутствие механизма смены власти — это не частный дефект, а принципиальная особенность и тоталитарного, и посттоталитарного общества. Другое выражение того же — незначимость функциональных элит: социальных, культурных, интеллектуальных групп, которые могли бы публично представлять свои программы и конкурировать между собой за их признание в массах, что, в свою очередь, предполагало бы действенный механизм партийно-политической мобилизации, выборов, эффективный парламент и т.п. В этой ситуации образы современного общества, ценности современности могут быть представлены лишь через образ тотального оппонента или антагониста (страны, государства), получающего, соответственно, крайне противоречивую оценку.

Поэтому на протяжении последних 12-13 лет мы могли фиксировать самые различные вариации отношений к США, простирающиеся на фоне их основного и неизменного образа: здесь и рост симпатий, ожидания сближения, ущемленность и обида, вызванные поражением в длившемся несколько десятилетий соперничестве, крахом коммунизма, ознанованным самим фактом поступающей гуманитарной помощи бывшей "великой державе" (и ответной агрессии в адрес США: сбрасывают нам то, что им самим не нужно, хотят нас купить, обидеть, сделать зависимыми, слабыми и пр.), и комплексы ущемленности,

рессентимента, мстительности, равнодушия и пр. Конечно, массовые реакции в какой-то степени отражают смену политики в отношениях с Западом.

Первая половина десятилетия характеризовалась отсутствием явного антиамериканизма, даже более того: первоначально был продекларирован именно прозападный, почти проамериканский курс, заявленный Б.Ельциным и его новым молодым министром иностранных дел — А.Козыревым. Когда его через несколько лет сменил представитель старых кадров внешней разведки Е.Примаков, проводивший политику противодействия "расширению НАТО на Восток", сдерживания "экспансионистских планов" США и НАТО в зоне "стратегических национально-государственных интересов России", конфронтация с США достигла своего максимума за все десятилетие. Это было вполне логичным, если учитывать растущие тенденции постсоветского неотрадиционализма. Основная тема конфликта была задана поддержкой США стран из бывшего соцлагеря (Польши, Венгрии, Чехии и др.) и бывших республик СССР, прибалтийских в первую очередь, помощью в проведении экономических и социально-политических реформ, гарантиями обеспечения их защиты со стороны восточного соседа. Это не было своего рода планом Маршалла для Восточной Европы или чем-то вроде программы денацификации и демилитаризации в Германии, Японии или Италии, но все-таки определенный антигитлеровский смысл в этом был несомненно. Для России это оказалось тестом на демократию, который она явно не выдержала. Беспокойство появилось много позже в связи со сменой части политического руководства страны, оттеснением в правительстве западников-реформаторов и развертыванием широкой и массовой антинаатовской кампании, ростом антизападничества и усилением в верхнем эшелоне руководства страны представителей армии и спецслужб. Нейтральное, спокойное или сдержанно-отчужденное отношение к независимости Балтии, Украины, восточноевропейских стран и др. под влиянием кампании в СМИ, постоянно игравших на имперских комплексах российского населения, сменилось страхом, недовольством или даже враждебностью к НАТО. Если в начале 90-х годов свыше 40% опрошенных никак не относились к НАТО (были равнодушны к этой проблеме или она их никак не затрагивала, и они не имели своего мнения) при том, что около четверти были за более близкие отношения с этой организацией, вплоть до вступления России в нее, то после 1995 г., смены внешнеполитического руководства, массовые установки резко изменились: от 40 до 50% были против вступления названных выше республик в НАТО, возник определенного рода страх перед последствиями этих планов, хотя и не слишком значительный*. Большая часть опрошенных (к концу 90-х годов) все-таки предпочитала какие-то урегулированные отношения с НАТО, пусть не вступление, но и не конфронтацию, а скорее определенного рода партнерство, сопровождаемое

* По данным февральского опроса 2002 г. (N=1600 человек), 38% респондентов отрицательно относятся к вступлению в НАТО бывших стран Варшавского договора, 30% это безразлично и 14% опрошенных отнеслись к этому с пониманием и одобрением. Вступление в НАТО бывших республик СССР (балтийских республик, Украины и др.) воспринимается еще более негативно: 48% оценивают этот вариант отрицательно, 25% — безразлично, и 9% — положительно. 8% россиян — за вступление России в Северо-Атлантический альянс, еще 25% — за налаживание сотрудничества с НАТО, 22% настаивают на создании оборонительного союза (вместе с бывшими соцстранами и бывшими республиками СССР в противовес НАТО) и самая большая группа в этом опросе, 27%, хотела бы сохранить нейтральный статус России, не присоединяться ни к каким военным блокам.

ростом отчуждения от стран Восточной Европы. Соответственно, сменивший Е.Примакова, нынешний путинский министр — мидовский аппаратчик И.Иванов, лишенный какой-либо самостоятельной политической окраски, — был не просто внешним оформлением очередной передвижки во властных кругах, но и знаком полицентричности власти, ее слабости, отсутствия какой-либо определенности внешнеполитического курса, что по-своему свидетельствует о процессах разложения старой институциональной структуры.

Если до 1995 г. в опросах фиксировалось стабильное равнодушие и слабая заинтересованность тем, что происходило на Балканах, со странами Восточной Европы (бывшими социалистическими) и прибалтийскими республиками, стремящимися укрыться под крылом и общеевропейских организаций, и союзов, и НАТО, то после 1995 г. и массовой почти всеобщей антинаатовской пропаганды, запугивания общества призраками угрозы "расширения на Восток", ложившейся на следы старых пропагандистских клише еще военного времени и оставшихся после него психологических травм, новой конфронтации, ситуация начала меняться и весной 1999 г. достигла пика. В тот момент в СМИ или среди политиков практически не было слышно каких-либо голосов, пытавшихся вернуться к более трезвому и прагматическому обсуждению дел и утверждавших необходимость усиления взаимодействия с западноевропейскими странами и США. Только после этого усилились изоляционистские и военно-мобилизационные настроения, поддержка армии и массовая готовность одобрить увеличение военных расходов. Они находились, конечно, в определенном резонансе с взрывом негативной солидарности, связанной с новой войной в Чечне, но не только.

Потребность обновленной после распада СССР номенклатуры в новом самоопределении (поиск национальной идеи, мода на традиционализм и здоровый патриотизм) стала довольно ощутимой с крахом коммунизма, оказавшимся совершенно неожиданным для массового сознания (причины его были для массы неясными, а потому травматическое событие редуцировалось в соответствии с имеющимся повседневным опытом к чисто персональным мотивам властных лиц, т.е. к традиционалистским моделям заговора, предательства, склоки, продажности Запада и пр.). Иначе говоря, сам этот спрос на новые рационализированные в соответствии с массовыми проблемами и ожиданиями цели политического развития и модели идентичности оказался мало обеспечен необходимыми интеллектуальными ресурсами, что отразилось в стремительном росте среди российской элиты эпигонских взглядов и традиционалистских, псевдофундаменталистских философствований, имитировавших геополитический цинизм конца XIX в., но не имевших ни его убедительности, ни необходимой имперской силы. Можно сказать, что этот процесс активизации дремавших представлений отражал не просто воспроизводство в периферийных областях общества уже отработанных, рутинных представлений советского времени, но наряду с нарастанием консервативных тенденций был свидетельством перегруппировки номенклатуры после первых шагов реформ и негативной реакции на них массы и части высшего руководства, выхода на первый план провинциальных группировок, усиления массового и номенклатурного рессентимента (реакции партийно-хозяйственной элиты советского времени на младореформаторов — выскочек, чужаков для номенклатуры). Если это так, то вполне допустимо полагать, что это временный эффект, связанный с фазовой социализацией призванных периферийных групп в центральных структурах, что антиамериканизм не мог превратиться в устойчивый, центральный символ негативной консолидации, что это лишь инструментально-прагматическое, а не

систематическое использование ресурсов конфронтации. Такое предположение подтверждается и опытом ведомственно-политической эксплуатации массовых реакций на косовский кризис, антизападной демагогией российского генералитета в связи с катастрофой АПЛ "Курск" ("столкновение с неизвестной американской подлодкой"), имевшей заметное, но непродолжительное воздействие на массовое сознание. Такое же недолгое, хотя и бурное действие, видимо, будут иметь и нынешние олимпийские допинговые скандалы и спортивно-политические мифы о давлении администрации Дж.Буша на судей, курино-стальные конфликты, сопровождаемые обострением комплексов национальной неполноценности и лоббистскими криками о необходимости защиты национального производителя, укрепления продовольственной безопасности России и пр.

Иначе говоря, по мере разрушения противостояния США—Советский Союз, страх, поддерживающий государственную систему СССР в необходимом рабочем состоянии, уходил, но внутренние барьеры (разные и по функции, и по своему содержанию — отчужденности, изоляционизма, глухого неприятия опыта США и пр.) оставались, обеспечивая интегрированность извне российского общества, захваченного процессами внутренней аномии, и его консервативную защиту. По сути, эти барьеры представляли собой (и представляют сегодня) либо а) различные варианты антимодернистского рессентимента* и негативной солидарности по принципу: враги наших врагов — наши условные союзники (что, естественно, не означало идентификации со всем, что не "Америка"), либо б) атрофию интересов к чужому, внутреннюю неспособность к пониманию другого мира и закрытость для восприятия любой информации, не относящейся к чисто потребительской стороне жизни**. Базовое различие институциональных систем российского и американского обществ и лежащих в основе их человеческих и культурных образцов оказалось здесь настолько велико (при, казалось бы, довольно близком уровне технологической рационализации, общей грамотности населения и пр.), что ни у элиты, ни у массы не было и, видимо, не могло быть каких-либо посредников или переходников, которые могли бы обеспечить соответствующие коммуникации. В этом плане разрывы между США и другими промышленно развитыми странами, даже номинально не принадлежащими к сфере европейской культуры, например, новыми азиатскими тиграми, несравнимо меньше, чем между бывшей тоталитарной метрополией и нынешним лидером западного мира.

США и Россия в зеркале опросов общественного мнения. На протяжении прошедшего десятилетия отношения россиян к США оставались подчеркнута позитивным и довольно устойчивым, что свидетельствует о неизменности

* Ср., например, типичную (и по характеру антизападной риторики, доктринальному антисемитизму, и по своему безответственному эклектизму, вторичности источников информации о тех или иных теориях и авторах) книгу: *Панарин А.С.* Искусшение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000, особенно с. 181 и далее (раздел "Социально-психологические механизмы компрадорства: Запад как референтная группа"). Привожу ее из множества подобных только по одной причине: автор — профессор философского факультета МГУ и лауреат премии А.И.Солженицына этого года.

** Однако там, где возникает мотив противопоставления "свое—чужое", там немедленно открывается плоскость декларативной фобии чужого: "наши" продовольственные товары, по мнению опрошенных, безусловно, превосходят импортные по всем статьям, чужие — полны всякой дряни, бацилл и пр. Техника, одежда, лекарства и т.п. — лучше импортные, еда — отечественная.

ти функциональной роли образа США в структуре российской идентичности (табл. 1).

Таблица 1

Как Вы в целом относитесь к США?
(в % от общего числа опрошенных, 1991 г.,
N=1930 человек; в 1992–2002 гг., N=1600 человек;
данные по затруднившимся с ответом не приводятся)

Год, месяц	"Очень хорошо" и "скорее хорошо"	"Скорее плохо" и "очень плохо"	Соотношение позитивных и негативных ответов
1991, ноябрь	70	8	8,8
1992, август	70	8	8,8
1993, апрель	69	7	9,9
1995, март	65	13	5,0
1997, март	71	19	3,7
1998, декабрь	67	23	2,9
1999, март	38	49	0,8
1999, апрель	33	53	0,6
1999, май	32	54	0,6
1999, декабрь	55	31	1,8
2000, февраль	66	22	3,0
2000, июль	69	23	3,0
2001, февраль	59	27*	2,2
2001, сентябрь	72	19	3,8
2001, октябрь	61	28	2,2
2002, январь	68	22	3,1
2002, март	50	41	1,2

* Зафиксированный с этот месяц рост негативных антиамериканских настроений связан с кампанией в СМИ по "защите чести и достоинства" П.Бородина и шлюнско-дипломатическими скандалами — высылкой значительной группы сотрудников российского, а затем в ответ и американского посольств, о которых сегодня почти уже никто не помнит.

Исключением стал лишь один период — время событий в Югославии и бомбардировки НАТО Сербии. Судя по данным опросов ВЦИОМ, население крайне слабо разбиралось в балканской ситуации, не представляя сути конфликта между сербами и албанцами в Косово, а главное — и не желало разбираться в проблеме, предпочитая держаться подальше от обеих сторон. Но участие НАТО вызвало настоящую истерику, волну антиамериканской консолидации, не известной за все время после краха коммунистической системы. Подчеркнем, что это происходило в ситуации после кризиса 1998 г., обернувшегося состоянием массовой дезориентированности, неуверенности, тревоги. (Причины кризиса также были абсолютно неясными для массы, что заставляло их использовать уже имеющиеся рутинные способы объяснения — обман, коррупция, заговор олигархов и "реформаторов", игравших на руку Западу и т.п.) Действия НАТО (которая воспринималась не как самостоятельная сила, а как слабое прикрытие США — 71% опрошенных считают, что НАТО это не самостоятельная организация западных стран, а полностью контролируемая и зависящая от США) были восприняты в старом советском контексте: подготовки плацдарма для движения на Восток, демонстрация силы и угроза России. Схожий взрыв страха и ярости, всплеск негативной консолидации вскоре повторился уже в гораздо более серьезном виде: в сентябре—октябре 1999 г., когда произошли теракты в Москве и других городах России.

Видимо, близкая по функции роль России (СССР) как врага, задающая фокус негативной идентичности для американцев, обуславливает очень близкие к ответам российского населения об Америке данные опросов американцев, проведенных службой Гэллага, об отношении их

Динамика отношения американцев к России
(в % от общего числа опрошенных)

Отношение к России	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Позитивное	62	55	57	57	56	49	52	56	40	52	52
Негативное	29	35	34	33	39	44	36	36	53	42	40
Симпатия/антипатия	2,1	1,6	1,7	1,8	1,5	1,1	1,5	1,6	0,7	1,2	1,3

к России. Уровень негативных ответов среди американцев выше, чем среди россиян, но дело здесь, может быть, не только в разнице установок и ином образе России для американцев, сколько в различии формулировок самих вопросов. Доля ответов, свидетельствующих о неприязненном отношении американцев к России, примерно та же, что и у русских (вариант "очень плохое" собирает от 5 до 14% в разные годы, исключая пики негативизма). В целом же о картине этих изменений на протяжении 11 лет можно судить по данным таблицы 2.

Более развернутый характер отношений виден из динамики распределения ответов американцев на вопрос, задававшийся в последние три года (табл. 4).

Хотя на сегодняшний день и преобладает вполне позитивное отношение, оно заметно изменилось в сравнении с исходными перестроечными ожиданиями. Сообщения о коррупции и интригах в российском руководстве, нарастающее разочарование из-за неспособности российского общества к экономическим и политическим реформам, усиление авторитаризма, начало первой чеченской войны и все прочее в том же духе вызвали заметное снижение к 1995 г. дружественных чувств к России и русски : у американской публики. Но наиболее удручающее впечатление на американское общество произвели российская позиция в югославской истории, воинственные демарши и марш-броски военных, наконец, — вторая чеченская война. Отметим также еще один момент: резко выросшее число неопределенных ответов или отказов (оно более чем удвоилось за это время), что свидетельствует о падении интереса американского общественного мнения к России, связанном с неудачей реформ и ослаблением ее роли в мире.

Америка как тема и формульный сюжет. Для абсолютного большинства населения России "США" (= "Америка") — один из фантомов коллективного сознания, произведенный СМИ и родственный многим массмедийным артефактам. Свое смысловое наполнение она получает лишь в контексте национально-государственной идентичности (соотношений "мы—они") и воспроизводящих ее институтов постсоветского общества. За исключением небольшого числа тех, кто бывал за последние годы в США по разным делам, или тех, кто был связан с этой страной профессиональными и деловыми интересами (т.е. тех, для кого эта страна и ее культура обладает непосредственной собственной убедительностью и конкретностью), большинство населения может воспринимать все, что связано с США, только как своего рода голограмму, возникающую на пересечении внутривнутриполитических и маскультурных представлений, т.е. оживлять появляющиеся на экране или в сознании картинки собственным опытом и пониманием других людей. Иначе говоря, статус коллективных представлений о США такой же, что и типовых ("формульных") повествований массовой культуры — детектива, мелодрамы, триллера, фантастики, дамского романа и пр. От них образ США отличается принципиально важным элементом: отсутствием привычной конвенциональной рамки — указаний на фиктивность изображения, но

Таблица 3

Как бы Вы определили свое отношение к России?*
(в % от общего числа опрошенных, N=500 человек)

Год, месяц	Позитивное	Негативное	Разность (2 - 3)	Отношение (2 к 3)
1	2	3	4	5
1994, февраль	56	39	17	1,4
1995, апрель	49	44	5	1,1
1996, март	52	39	12	1,6
1997, ноябрь	56	36	20	1,5
1999, февраль	44	44	0	1,0
1999, апрель	33	59	-26	0,6
1999, май	46	49	-3	0,9
1999, ноябрь	38	48	-10	0,8
2000, март	40	51	-11	0,8

* К позитивным ответам относится сумма ответов "с полной симпатией" и "скорее дружественное", к негативным — "скорее недружественное" и "полная антипатия".

Таблица 4

Отношение России к США можно назвать...
(в % от общего числа опрошенных, N= 500 человек)

Вариант ответа	Апрель 1999 г.	Март 2000 г.	Июнь 2001 г.
Союзническим	2	9	7
Дружественным	44	34	36
Хотя и не дружественным, но и не враждебным	27	26	9
Враждебным	5	14	5
Не знаю, затрудняюсь ответить, нет ответа	20	16	43

не самой смысловой материей, не подачей или структурой изобразительного или словесного материала*. Функция "США", как и других фикциональных структур или "формульных историй", драматический сюжет которых задан столкновением разных ценностей или ролевых конфликтов, в формальном плане заключается в том, что сама изображаемая или разыгрываемая коллизия и есть способ записи значимых ценностей, норм или социальных пред-

* В действительности эта рамка, конечно, существует, но она иной природы — она содержит признаки очевидности, "документальности", предметности, безусловности существования того, о чем ежедневно говорят политики, политологи, политические "философы", пишут и показывают журналисты. Достаточно картинки улиц Нью-Йорка или Белого дома на заднем плане стоящего с микрофоном тележурналиста, чтобы все, что он говорил, воспринималось массовым зрителем как документальный репортаж, фактическая информация о положении вещей, а не мнение его или других. Иначе говоря, "визуальность" или "фактичность" выступают здесь как средства устранения критичности, рефлексии, возможности другой точки зрения или оценки, т.е. как элементы коллективной суггестии или идеологической заданности.

ставлений и их воспроизводства, актуализации. Вне этих рамок определенные значимые аспекты ценностей, идентичностей, моделей действий и отношений просто не существуют. Они могут быть представлены в массовом сознании только так и никак иначе.

Как и любой другой элемент в матрицах негативной идентификации, каждая негативная черта или характеристика в системе образов США имеет своего антипода — подразумеваемые достоинства или особенности своей страны, "народа", или ценностных значений "себя", что предполагает постоянное сравнение чужого и своего, утверждение позитивных качеств "своих". Если США беспардонно вмешиваются в дела других стран, то "мы" помогаем, поддерживаем, "мы", напротив, всегда "жертва" чужих попользований и т.п.; если США — это богатое общество, то мы бедные; если американцы примитивны, вульгарны, лишены настоящей высокой культуры, живут приземленными материальными заботами и интересами, короче, культурно неразвита страна, то мы, напротив, витальны, "духовны", у русских за спиной — "высочайшая культура", литература, искусство, музыка, "тысячелетняя история" и т.п. (Или, как пел Петр Мамонов про своего сизаря с попойки, "я очень плохой, я хуже тебя. Но зато я умею летать").

В этом плане "США" — это совокупность различных мотивов, объединенных общим (или общими) сюжетом: утопия образцового современного общества, в этом качестве представляющегося чужим для России, т.е. страны и государства, бывшего в недавнем прошлом главным военным противником в "холодной" войне и оппонентом в мировом соперничестве, которое российское общество-государство проиграло. Можно сказать и иначе: ряд значений, характеризующих Россию в сознании россиян, существует только в связке с представлениями о США и отношением к ним и не может быть сегодня другим образом представлен или артикулирован. В социологическом плане совершенно неважно, насколько эти представления "адекватны" объективному положению вещей, тем или иным аспектам положения дел в американском обществе или действиям его правительства. Важно, что эти представления реально влияют на массовое поведение жителей России, их коллективные самооценки и самопредставления, способности к принятию (непринятию, отвержению) тех или иных ценностей, норм, моральных принципов и отношение к власти как единственной легальной и признанной инстанции, должной, по меркам массового сознания, отвечать за все национальное целое.

Есть несколько вещей, из которых складывается образ Америки и которые больше всего задевают неамериканцев: ставшее очевидным после Второй мировой войны богатство страны, ее мощь, роль и авторитет в международных делах, политическое и цивилизационное (научное, технологическое) лидерство, сильнейшее влияние ее массовой культуры в других странах. Богатство, благополучие, конечно, — наиболее значимые элементы образа, но и сводить все дело к зависти было бы, на мой взгляд, неверным. Опять-таки есть и другие богатые страны, где душевой доход сопоставим с американским или даже выше, чем в США, — Швейцария, Люксембург и др. Наконец, есть нефтяные эмираты с фантастическим уровнем жизни. Задевает в достигнутом американцами благосостоянии то, что оно воспринимается именно как достигнутое, т.е. *современное и универсальное*. Другие богатые страны (из названных выше) не претендуют на общезначимость своего опыта и успеха, а американцы — уже в сочинениях своих отцов-основателей — рассматривали собственные планы и деятельность как универсальный опыт решения общемировых человеческих проблем, видели в своей системе парадигму демократии, свободы и прогресса, обра-

зец современности, "модерности"*.

(И, как выяснилось к концу XX в., были правы в этом. Ибо ни одна другая страна не обладала таким потенциалом развития и самосовершенствования, "оптимизации", который мог сравниться с американским.)

Можно назвать несколько тем, которые, пусть и смутно, с трудом, но все-таки ощущались в тех или иных образах американской жизни, тиражированных массовой культурой. Во-первых, ослабление связи благополучия (богатства) с традиционным статусом (или даже ее отсутствие), а значит, размытость или незначимость классовой "стигмы" на образе жизни, универсальность позитивной санкции благополучия и достижительности ("американская мечта"), открытость образов достижения благополучия (религиозные, протестантские мотивы, темы благополучия как знака свыше, в пределе — косвенное доказательство правильности поведения — оставим в стороне, речь идет не о них, а о системе институционализации успеха, мотивов интенсивного труда и достижения, хотя, конечно, о том, что США — одна из самых религиозных из развитых стран, в большей степени, нежели любая из больших и малых западноевропейских стран, не говоря даже о восточноевропейских, тоже забывать не приходится). Во-вторых, внятность, инструментальность путей достижения благополучия, не связанных ни с государственной властью, ни с национальной или классовой идеологией или чем-то подобным им. Вообще явное отсутствие акцента на этничности и других аскриптивных социальных барьерах или солидарностях (расовые отношения — другой случай). Для российского обывателя это отсутствие акцентированной прикреплённости к властям, месту работы и жительства, личной лояльности начальству и прочее создает впечатление внеповседневности или сказочности. При этом опять-таки не прямым образом, но все же как-то, фоновым изображением проходит туманное понимание того, что индивидуализм, свобода перемещения и занятий, антиэтатизм были теми условиями, которые помогли этой стране успешно избежать соблазнов утопии и тоталитаризма, что это не историческая случайность, а невозможность тотальной организации, опять-таки заложена в самом основании этого общества и его государства.

* А.Гамильтон (27.10.1787 г.): "В последнее время часто утверждают, что именно на долю народа нашей страны, судя по его поведению и примеру, выпало решить важный вопрос: действительно ли способно сообщество людей к устройству правления по разумению своему и выбору, либо обречены они навечно иметь основанием своего политического объединения случай и силу. Если есть в этих утверждениях хоть на толику истины, то в том кризисе, что постиг нас, можно справедливо усмотреть знак времени, когда вопрос этот должен наконец разрешиться. Поэтому и ошибку в избрании предстоящей нам роли мы должны мыслить как бедствие, общее для человечества". Через две с половиной недели Дж.Мэдисон пишет (13.11.1787 г.): "Разве не во славу людям Америки то, что, уважая опыт веков и народов, они не позволили слепому поклонению древностям, обычаям, именам заставить их отказаться от заключений собственного здравого смысла, от самостоятельного понимания своего положения, от уроков собственного опыта? Этот мужественный дух послужит еще миру образцом. А потомство будет нам благодарно — за многие новшества, которые премного содействуют защите личных прав и общественного благополучия и которые впервые явились миру на политической сцене Америки... В истории человеческих общин не было ничего подобного революции, которую они успешно совершили. Они взлелеяли формы правления, которым в мире нет образа. Они сформировали великую Конфедерацию и обязали пришедших им на смену ее усовершенствовать и увековечить. Если и были в их работе недостатки, то мы можем лишь дивиться, сколь редки они". (Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи / Пер. Г.Фрейдина. Venson: Chalidze Publications, 1990. С. 29-30, 86-87.)

Третье — это культура "здорового смысла", прагматизма, свобода от традиционализма и сопутствующего ему множеством безусловных ограничений и неформальных предписаний (еще раз подчеркну, что речь не идет о действительном положении вещей в американском обществе, а аморфном образе, получаемом через масскультуру, СМИ, "репутацию" Америки в общественном мнении относительно образованных средних слоев, своего рода — социальной мифологии США). Диффузия в современном мире американской массовой культуры, универсальной, т.е. основанной на здравом смысле, утилитаризме и потребительском гедонизме (представляющих собой, по сути дела, суммированное "бессознательное" истории развития всей европейской культуры) — один из самых мощных и влиятельных процессов цивилизации, расколдовывания, модернизации.

Последнее обстоятельство особенно важно: "Америка" в массовом мифологизированном сознании лишена ореола аристократизма и утонченности, сословной иерархичности (традиций, без которых это культивирование невозможно). Это — демократическая страна как в смысле господства массовых, почти плебейских, во всяком случае, упрощенных, вкусов и нравов, так и открытости для достижений, личного успеха, мобильности, свободы, утверждения законности и прав человека. "Плоскостность" социальных определений человека в данном случае является важной составляющей для сближающей идентификации ("они" как мы, *такие же* простые и открытые, не обремененные излишней культурой, воспитанием, формальностями, почти бесцеремонные; надо ли говорить, что российское самосознание крайне нуждается в подобном обобщающем ценностном подкреплении). Однако другой план: США — это та страна, в которой, как нигде в мире, власти обеспечивают гражданский порядок, где перед законом все равны, где государство не вмешивается в частную или хозяйственно-экономическую деятельность людей, а простой человек может влиять на власти, добиваясь защиты своих интересов, где реально обеспечены права и свобода человека, где есть *настоящее* социальное обеспечение людей и т.п. Этот план представлений, будучи вполне действенным, остается постоянно в тени, поскольку он имеет не описательный, не фактологический характер, а критический. Он развернут к российским властям, представляя собой масштаб или меру альтернативной оценки их деятельности, недовольства ими, и не является в этом смысле элементом самоидентификации. Но именно потому, что эта плоскость значений представляет собой не идентификационную, а апелляционную систему значений, она лишена какой-либо непосредственной действенности и скорее оказывает парализующее воздействие на массовое поведение, нежели солидарно-активное. Как это ни странно, расширяющееся на протяжении последнего десятилетия знание о гражданских институтах Америки, обычаях и нравах этого общества оборачивается собственной астенией и апатией.

Естественно, что весь этот набор ценностных признаков в своем теневом или перевернутом виде воспринимается как самодовольство, высокомерие и навязывание своих порядков миру (оборотная сторона американской ответственности за мир и будущее западной культуры и порядка), уверенность "в своей правоте", особенно сопровождаемая ссылками на религиозные ценности, как изрядное ханжество, как безусловное сочетание лицемерия и голых экономических и политических интересов („не защита демократии, а утверждение собственного господства в мире). Американская манера вести себя, уверенность в себе, позитивизм, рациональность, имеющие в качестве своей предпосылки убеждение, что и любые другие могут разделять соответствующие представления, если они ар-

гументированы, что мнение их страны должно в любом случае заслуживать внимания, традиционалистским зависимым сознанием трактуется как наглость, бесцеремонность, пренебрежение к авторитетам и мнениям других (в пределе — "Америка — Большая Сатана", как называл ее Бен Ладен). Образцовость и модернизационная парадигматичность американских представлений, особенно когда они выступают как правовое обоснование внешней политики, тем более военных акций против "государств-изгоев", защитниками национального, идеологического или этноконфессионального партикуляризма воспринимается как "сочетание в одном лице полицейского и судьи, прокурора и палача" (слова одного из обозревателей, сказанные относительно антиталибановской кампании США).

Составляющие массового образа США. Рассмотрим, как проявляются элементы, составляющие образ Америки, в российском общественном мнении.

1. Для абсолютного большинства россиян главные черты США — это прежде всего *"богатая страна"* (61%) и *"сильная военная держава"* (51%), т.е. именно те характеристики, которых никогда не имел СССР (богатство, высокий жизненный уровень населения), и нет у нынешней России (военная мощь). США — это еще и страна, которая *"бесцеремонно вмешивается в дела других стран, навязывает им свои ценности и порядки"* (51%). Несколько меньшее значение имеет такой признак, как *"стремится прибрать к рукам все богатства в мире"* (40%), уже весьма неравномерно представленный в разных социальных группах, можно сказать, что именно характеристика является базовой для определенного типа респондентов, так как она связывает и объединяет тех, кто относится к Америке преимущественно негативно.

Первое обстоятельство (богатство) более значимо для молодых и бедных, второе (супердержава), третье (претензии на господство, надменность, высокомерие) и четвертое (экономический империализм) — для людей среднего возраста, особенно занимающих важные социальные позиции, — чиновников, директората, квалифицированных специалистов и т.п., у которых в наибольшей степени сегодня фиксируется рессентиментный комплекс в отношении победителей. Разрыв между ответами опрошенных из крайних возрастных групп заметный, но не принципиальный: 11–13 пп. во всех этих случаях (68 и 57%, 42 и 57%, 46 и 54%, 36 и 42%). Примерно такая же картина расхождений и по образованию или доходам. Это значит, что независимо от социального положения или принадлежности к поколению подобные определения, характерные для большинства опрошенных, составляют единую основу восприятия Америки.

Все последующие характеристики являются дифференцирующими, т.е. входящими в ресурсы понимания реальности различных групп.

2. На первый взгляд кажется неожиданным, что для большинства россиян США перестали быть *"главным военным и политическим противником"* (это обстоятельство упомянули всего 17%). Причем в этой группе нет заметных различий по возрасту, если не считать одного исключения: "вспухание" доли этих ответов у мужчин после армии и снижения у 40–50-летних респондентов, но есть различия между военнослужащими, сотрудниками силовых структур, руководителями, безработными, образованными и обеспеченными группами, жителями столиц (25–26%), больших городов и всеми остальными — перечисленные категории опрошенных явно более памятьливы и идеологически агрессивны. (см. табл. 5 и 6).

Характерно, что среди тех, кто занят в социальных сферах (наука, образование, здравоохранение, культура) или близок к финансам, т.е. тех, кто в большей степени

идентифицирует себя с государственно-национальными интересами, этот показатель повышается до 26%; у занятых в отраслях, не имеющих отношения к сфере социально-культурной репродукции и идеологии, у "технарей", торговцев и т.п. он составляет величину вдвое меньшую: 10–13%. На сохранение у респондентов враждебной установки в отношении США сильное влияние оказывают оценки характера процессов, идущих в нашей стране: среди тех, кто "совершенно неудовлетворен" тем, что происходит сегодня в России, считающих США "военным противником" России в 11 раз больше, нежели среди тех, кто полностью доволен положением дел (соответственно 2 и 22%; то же соотношение среди "скорее удовлетворенных" и "не вполне удовлетворенных" составляет 13 к 21%). Аналогичное расхождение, но не столь резко, проявляется и в оценках экономического или внешнеполитического курса нынешнего руководства страны (9-14% и 20–29%). Иными словами, сохранение негативных оценок США не просто коррелирует с недовольством российской властью, но и является его проекцией на сферу политики, реальной или приписываемой руководству страны.

3. К этой характеристике, отражающей агрессивнokonфронтационные установки, прибегают еще несколько столь же негативных, но все менее значимых:

- а) "страна, насаждающая низменные нравы и вкусы, погоно за наживой" (15%);
- б) "злейший враг развивающихся стран" — мусульманских, латиноамериканских, африканских (11%);
- в) "страна социального неравенства" (7%);
- г) "страна, поддерживающая реакционные режимы и терроризм в разных странах" (4%).

Варианты "а" и "в" дают главным образом пожилые люди. Но все варианты присущи тем, кто симпатизирует компартии или ЛДПР, т.е. явно периферийным группам в обществе. В чистом виде подобные представления сохраняют свою значимость теперь лишь для явного меньшинства, для тех, кто еще в состоянии воспроизвести риторические клише "холодной" войны, "борьбы с американским империализмом", "неоколониализмом".

4. Отношение к США у столь же сравнительно небольшого числа россиян (17%) можно назвать "ситуативным", или "реактивным" — последние по времени обстоятельства, а именно то, что США и Россия сегодня — "союзники в борьбе с мировым терроризмом". За этим стоит скрытая эллиптическая фигура — "да, американская тактика, как они есть (наши противники, империалистическая сверхдержава и т.п.)", но сегодня мы партнеры, наши интересы (интересы нашего руководства) сходятся, нам это выгодно (другими словами, просматривается референция к авторитету В.Путина и подспудное желание понравиться американцам).

5. Потенциал восприятия США в духе либеральных и прогрессистских взглядов довольно невелик (он примерно равен контингенту с неопределенно демократическими установками, размер которого, выявляемый в ряде опросов с аналогичными тестовыми вопросами, не превышает 20%). Америка в роли "демократической страны" или в качестве "лидера мирового научного и технического прогресса" занимает в сознании людей сравнительно скромное место: эти признаки назвали 19 и 17% опрошенных (перекрестный анализ показывает, что это не одна и та же группа опрошенных). Еще меньше доля позитивных оценок международной роли США: в то, что "США обеспечивают устойчивый мир и международный порядок", не верит почти никто (это обстоятельство упомянули лишь 3% опрошенных, более благожелательно отнеслась в этом плане к США молодежь).

Сравнительный анализ взаимосвязей между различными вариантами этих определений США позволил вы-

делить два типа отношения и понимания этой страны, придающие специфическую ценностную окраску основной матрице понимания Америки. Первый, его можно назвать "*симпатизирующим*", характеризуется увеличением модернизационных и демократических достоинств в образе США (богатая страна, добившаяся успеха за счет развития промышленности, внедрения первыми новых технологий, мировой лидер научного и технического прогресса, который возможен только благодаря демократическому устройству американского общества). Ко всему прочему есть еще дополнительное значение: США сегодня — союзник России в борьбе с угрозой мировой терроризма, Россия и США сегодня — "партнеры"! (Элемент признания известного равенства здесь очень важен для ущемленного сознания, нуждающегося в компенсации, успокаивающем отношении к себе.) Другой вариант, назовем его "*защищающимся*", отличается даже не столько снижением удельного веса основных позитивных характеристик, сколько резким увеличением негативных определений США. Причем весь этот рессентиментный комплекс строится на чувстве опасности, исходящей от Америки. Главное здесь — восприятие себя как объекта чужих вождлений, покушений, манипулирования, не столько агрессии, сколько зависимости, ощущение принуждения, навязывания чужих взглядов и представлений. Угроза воспринимается как "подрыв" традиционных ценностей, получающих явно антимодернистское содержание ("достижимость" здесь превращается в "погоно за наживой", алчность, многообразие новизны — в насаждение низменных вкусов, безнравственность и т.п.). Важно отметить, что за этим стоит ощущение слабости собственных представлений и мотивов действия, незащищенности перед более привлекательными и сильными образами чужой культуры. Потребность в подкреплении подобных защитных реакций ведет к генерализации сознания жертвы, расширению масштабов угрозы от Америки и поискам других "товарищей по несчастью", столь же бедных и слабых, как они сами (новые или развивающиеся страны — арабские, латиноамериканские, африканские и др.), богатые лишь своим сырьем (и фундаменталистскими традициями). Но это скорее косвенные, непрямые способы идентификации россиян "со слабыми и бедными", которые эксплуатировала старая советская риторика классово-криминации или американского империализма, насаждающего реакционные режимы в странах третьего мира. Сегодня она явно не работает — эти варианты выбрали незначительное число опрошенных (от 8%, упрекавших американское общество в том, что оно "общество социального неравенства", до 4% обличителей США в качестве спонсоров диктаторов и террористов).

Наиболее негативно настроены пожилые, образованные люди, занимающие довольно высокие социальные позиции — руководители, специалисты, имеющие высокие доходы, столичные жители или чуть реже — население больших городов, а также те, кто относит себя к нижним ступеням социальной лестницы. (см. табл. 4) Сохранение враждебности (в каком-то одном только пункте, например, ярко выраженной установке на США как военного противника у военнослужащих и сотрудников силовых структур), или, напротив, резкое снижение негативизма (например, минимальными значениями отличается выбор варианта ответа "США — злейший враг развивающихся стран" руководителями (1%), военнослужащими (2%), москвичами (4%)), требует конкретных и специальных разъяснений ad hoc, что в целом, конечно, вполне допустимо. Наибольшую степень приближения к средним распределениям характеризуется социальная периферия, хранящая прежние, рутинизированные образцы идеологических представлений: пенсионеры, рабочие, жители

Таблица 5

Значимые отклонения негативных оценок от средних значений у разных социальных групп (в процентных пунктах; октябрь 2001 г., N=1600 человек)

1 — бесцеремонно вмешивается в дела других стран, навязывает им свои ценности и порядки;
2 — стремится прибрать к рукам все богатства мира;
3 — главный военный и политический противник России;
4 — насаждает погоню за наживой, низменные вкусы, безнравственность.

Группа	1	2	3	4
В среднем, %	51	40	17	15
<i>Возраст:</i>				
18-24 года	-9	-4		-6
25-39 лет			+4	-5
40-54 года	+6		-5	
54 года и старше				+5
<i>Образование:</i>				
высшее	+10	+5	+9	
среднее		-4		
ниже среднего	-5			
<i>Среднедушевой доход в семье:</i>				
высокий	+8			-4
низкий	-8	-8		
<i>Социальный статус:</i>				
верхний средний класс	-12	-16	-4	
нижний средний класс	+4	-5		
рабочий класс/крестьянство		+5		-5
нижний класс	+7	+4	-4	+10
<i>Социально-профессиональный статус и род занятий</i>				
независимый предприниматель		-5	-12	+10
руководитель	+9	+4	+12	-8
специалист	+6	+5		18
военнослужащий, МВД и т.д.		-14	+21	
служащий	-10	-11		-4
учащийся	-8			
домохозяйка	-5	-4	-7	-5
безработный	-6	-8	+11	-8
<i>Тип поселения:</i>				
Москва	+9	+19	+8	+9
большие города			+4	
села	-8			

малых городов. Во всех остальных группах функциональная роль врага заметно слабеет.

Из данных таблицы 6 следует, что позитивные составляющие отношения к Америке в большей степени присущи тем группам, у которых социальные ресурсы существенно выше средних, а именно молодым (а среди них студентам, учащимся), тем, кто занимает значимые социальными позиции или обладает перспективами роста благосостояния (руководителям, предпринимателям), а также сотрудникам государственных органов: служащим, военным, и находящимся на другом полюсе шкалы — деревенским жителям. Подчеркнем, что такие ценностные определения, как "демократическая страна", оказываются особенно важными именно для молодых респондентов, а среди них, особенно для учащихся и студентов, и для некоторой части руководителей (последние вообще обнаруживают максимальный разброс мнений и оценок). Примечательно, что размер дохода сам по себе не играет существенной роли в рассматриваемом нами плане.

Таблица 6

Значимые отклонения позитивных оценок от средних значений у разных социальных групп (в процентных пунктах; октябрь 2001 г., N=1600 человек; данные о затруднившихся с ответом не приводятся)

A — богатая страна.
B — сильная военная держава.
C — демократическая страна.
D — лидер мирового научного и технического прогресса.
E — союзник России в борьбе с мировым терроризмом.

Группа	A	B	C	D	E
В среднем, %	61	51	19	17	17
<i>Возраст:</i>					
18-24 года	+7	-5	+10		+4
25-39 лет				+6	
40-54 года				-4	
54 года и старше	-4	-5	-6	-5	-4
<i>Образование:</i>					
высшее	-9	-4			
ниже среднего			-5		
<i>Социальный статус:</i>					
верхний средний класс	-7	-9		+8	+8
нижний средний класс		-4	+5		
рабочий класс/крестьянство			-4		
нижний класс			-4	+4	-6
<i>Социально-профессиональный статус и род занятий</i>					
независимый предприниматель	+23	-5			-5
руководитель	-10	+12	+17		
специалист			-4		-5
военнослужащий, МВД и т.д.	+18	+14	-19		+10
служащий		+7	+6	+9	+10
рабочий	+5				
учащийся	-9	-16	+20	+4	+8
пенсионер	-4	-4	-5	-7	-5
домохозяйка			-10	+9	-4
безработный	-6			-4	
<i>Тип поселения:</i>					
Москва		-17		-9	
большие города	-6	-8	+5		
села	+8	+8	-11		

Вполне ожидаемым можно считать то, что среди сочувствующих коммунистам удельный вес негативных установок в отношении Америки вдвое выше, чем у "демократов". Но то, что среди сторонников партии власти число позитивно относящихся к США будет самым высоким (81%), обстоятельство крайне любопытное, отчасти объясняющее пусть и вялое, но все же сопротивление, оказываемое президентом ястребам из числа генералов и патриотов (табл. 7).

В общем и целом представления о США у россиян соединяют старые пропагандистские клише советского времени и новые, характерные уже для большинства развивающихся стран. Россияне перестали в массе своей воспринимать Россию как "великую державу", хотя еще несколько лет назад это было не так очевидно. Еще в 1995 г. 57% опрошенных считали, что России следует занять место СССР на мировой арене и противостоят стремлению США к мировому господству (не согласных было всего 13%, прочие, довольно значительная часть — 30%,

Таблица 7

Как Вы в целом относитесь сейчас к США?
(в % от общего числа опрошенных в каждой группе,
октябрь 2001 г., N=1600 человек)

Вариант ответа	Симпатизируют...			
	коммунистам	демократам	партии власти	никому
В среднем (в % от общего числа опрошенных)	21	14	7	41
Очень хорошо	3	12	16	4
В основном хорошо	49	60	65	54
В основном плохо	29	14	14	23
Очень плохо	12	6	1	3
Затруднились ответить	7	8	4	16

остальные затруднялись дать определенный ответ; октябрь 1995 г., N=3000 человек). Сегодня определяющий признак "великой державы", по мнению россиян, заключается уже не во владении ядерным или иным оружием массового уничтожения, а в высоком материальном уровне жизни населения страны (так полагают 67%), причем обеспечиваемом не вывозом сырья, а наличием высокоразвитой промышленности (66% — январь 2002 г., N=1600 человек). Для того чтобы быть великой державой, необходимо также, что достаточно неожиданно, соблюдать права человека — 34% (видимо, можно говорить о медленном, но постоянном просачивании в массовое сознание других социально-политических принципов, пусть даже и имеющих чисто декларативный характер) и иметь высокий уровень образования — 31%. Лишь затем опрошенные назвали еще два признака, составлявшие очень важные моменты уходящей гордости и самосознания советского человека: наличие "ядерного оружия" и "богатые природные ресурсы" — соответственно 30 и 25%.

На вопрос: "Какие из стран Вы бы назвали "великими"?", наибольшее число опрошенных назвали США (61%). Все последующие кандидаты в "великие" выстроились в таком порядке: Россия (41%), Япония (41%), Германия (32%), Великобритания (29%), Китай (24%). И общественное мнение России недвусмысленно говорит, что именно с ними (в первую очередь с ведущими европейскими странами — 48%, во вторую очередь с США — 39%) надлежит развивать сотрудничество, прежде всего экономическое. Другими словами, массовое сознание проводит в некоторых случаях различия между США (Америкой) и "Западом", европейскими странами, отчасти "спасая" западные ценности от слишком сильной зависимости от "Америку", отчасти противопоставляя Америку — Старому Свету (и значениям, сохраняемым за ними обоими).

Несмотря на все старания Б.Ельцина и В.Путина быть принятым на равных в клуб избранных стран "большой семерки", Россия не стала полноправным членом "восьмерки" самых влиятельных мировых держав (так считают 36% и почти столько же затрудняются с ответом, что в данном случае означает уход от утвердительного ответа, иного мнения придерживаются 26%, главным образом пожилые люди и жители периферии). Но почти две трети респондентов (63%) настаивают, что к этому нужно всячески стремиться. (Этот комплекс ущемленное™ сохраняется, несмотря на все знаки сближения в последние месяцы в ходе партнерства по "антитеррористической кампании": всего 35% полагают, что Россия и США являются

равноправными партнерами в этом плане. Остальные с этим либо несогласны, либо уходят от ответа.)

Страх войны. Выше уже говорилось о неожиданно высокой доле ответов открыто конфронтационного или инерционно-враждебного восприятия США. Неожиданность этого появляется лишь на фоне растущей тревоги в связи с угрозой новой мировой войны, вновь поднявшейся после терактов 11 сентября.

Однако если мы сравним нынешнюю ситуацию с тем, что было 12-13 лет, мы увидим значительное сходство. В 1989 г. боялись войны 48% (вторая позиция в списке "страхов" после болезни детей), однако список врагов был довольно коротким: врагов называли сравнительно немногочисленные респонденты (в общем и целом лишь 13%, среди них США и НАТО называли еще меньшее число опрошенных — 7 и 6%). Наоборот, достижение новых, неконфронтационных отношений со странами — мировыми лидерами оценивалось тогда чрезвычайно высоко (возможно, в этом проявилось скрытое опасение перед произволом и авантюризмом высшего советского руководства, способного ввязаться в какую-то новую после Афганистана войну на Балканах, в Средней Азии или нечто подобное).

Важнейшими событиями на протяжении 1988–1989 гг., судя по материалу опросов, были события внешнеполитического плана (их называли от четверти до трети опрошенных): подписание договора о сокращении ракет средней и малой дальности, выступление М.Горбачева в ООН; встреча М.Горбачева и Дж.Буша ("вес" этой встречи в глазах респондентов — ее отметили 34% опрошенных — был большим, чем значимость таких важнейших политических событий внутри страны, как "выборы на Съезд народных депутатов" (26%) и Первый Съезд народных депутатов — 24%).

Благодаря этому новому курсу руководства 64% опрошенных (январь 1989 г.) полагали, что "позиции страны укрепились"; при этом 44% ответивших относили это за счет достижений в области международной политики, усиления процессов демилитаризации, проведения политики разоружения.

Главными достижениями страны в 1989 г. были названы "сокращение вооружений" (наиболее часто повторяемый ответ, его дали 42% респондентов), "успехи на международной арене" (38%) и затем — "гласность, свобода печати и СМИ". Даже в 1990 г. по-прежнему более трети опрошенных в России называли среди важнейших достижений страны в минувшем году "сокращение вооружений", "вывод войск из Восточной Европы", "расширение гласности в работе СМИ" и лишь после этого с равной частотой упоминались "расширение экономических контактов со странами Запада" (22%) и "утрата КПСС монополии на власть" (21%). Однако в том же году "укрепление авторитета страны на международной арене" отмечалось в два раза реже, чем в предыдущем году (всего 19% опрошенных). В опросе по итогам 1991 г., проходившем уже после фактического распада СССР, "успехи на международной арене" отмечали лишь 11% россиян; лидировали же в этом списке достижений страны позиции "прекращение деятельности КПСС" (29%) и отказ от "коммунистических идеалов" (20%). В тогдашних оценках событий прошедшего года усилилась тенденция, наметившаяся уже в 1990 г.: преимущественное внимание к событиям внутри страны. Здесь прежде всего упоминался августовский путч (40%), введение свободных цен (34) и прекращение деятельности КПСС (23%). Война в Персидском заливе или гражданская война в Югославии отмечались значительно реже (соответственно 14 и 7%). С этого года на первый план общественного внимания выходят внутривнутриполитические события.

После 11 сентября наряду с первыми реакциями сочувствия американцам, возмущения террористами, опросы зафиксировали и проявления страха, довольно неопределенного по своему характеру, перед возможностью начала мировой войны.

11 сентября 2001 г. Восприятие россиянами событий 11 сентября в американских городах определялось теми рамками понимания, о которых уже шла речь. Первая реакция большинства опрошенных — сложное переплетение сочувствия, возмущения, страха и тревожности. У немногих — недоумение и еще меньше (всего у 5%) — удовлетворение. Мало кто воспринимает террористов как героев, хотя такие есть (11%). Абсолютное же большинство расценивает их как жестоких фанатиков, действующих исподтишка. Приписываемые им мотивы преступления — религиозный фанатизм (45%) и ненависть к США (45), а также месть за преследования и бомбардировки других стран (29) или безумие (26), зависть к богатым странам (13), неприятие современной цивилизации (9%). Еще ничего не известно о том, кто это сделал, но общественное мнение уже выстраивает свою картину происходящего.

Половина населения России считает, что американцам досталось поделом (но 42% с этим мнением не согласны), они теперь на собственном примере могут почувствовать, что испытали люди в других странах во время бомбардировок (в Хиросиме, в Ираке, в Югославии). Это, можно сказать, важнейшая для понимания российского общественного мнения реакция. Здесь выплеснулись не только подавленная недоброжелательность к Америке и некоторое подсознательное злорадство, скрытые за поверхностным радушием и открытостью, но и страх, что события примут неконтролируемый характер и это рикошетом ударит по России. Почти 80% боялись (как и в 1999 г., и в последующем году), что начнется всплеск террора, взрывов, акций мести в самой России.

При этом больше 72% допускали, что развитие событий этих дней может привести к развязыванию новой мировой войны. Боялись обострения ситуации в Средней Азии или наплыва туда беженцев, а затем — их миграции отсюда в Россию (70–85%) и т.п. Отсюда страх и нежелание участвовать в акциях против террористов, кем бы они не проводились. Главное, по мнению россиян, чтобы правительство России сумело удержаться от каких-либо непродуманных и поспешных действий, сохранило строгий нейтралитет (так полагали от 54 до 80%). Считали необходимым выступить на стороне США против талибов и Аль-Кайеды лишь 9% (еще 20% склонны были к моральной поддержке американцев и их союзников). Особенно нервно и негативно большая часть россиян реагировала на предполагаемые планы расширить поле военных действий против баз террористов в других странах (в Ираке, Ливии, Судане и пр.). Более адекватным и эффективным средством борьбы общественное мнение считало не массированные бомбардировки или наземные войсковые операции, а узконаправленные акции спецслужб (возможно, в этом сказался опыт чеченской кампании).

Тем не менее россияне в большинстве своем (56% опрошенных) хотели, чтобы американцы в результате своей военной акции в Афганистане добились успеха (26% не хотели, октябрь 2001 г.), но верило в это явное меньшинство (34%). Почти половина скептически относилась к этому варианту развития событий, причем, чем выше был у отвечающего уровень образования, тем выше была критичность. Дело здесь не в большей компетентности, информированности и вытекающей отсюда осторожности в оценках, как это может показаться на первый взгляд, а в явной тенденциозности, отличающей российское чиновничество и "интеллигенцию", руководство и специалис-

тов, настроенных значительно более негативно к США, чем "простой народ" — рабочие, служащие, пенсионеры. Но что характерно, свою неприязнь к Америке люди высокого социального статуса не хотели бы непосредственно проявить в ответах.

Сами по себе установки массового сознания мало менялись на протяжении последующих месяцев, если не считать, довольно быстрого ослабления интенсивности сопереживания страданиям людей после сентябрьской катастрофы. Без поддержки особых культурных (может быть, сходных в определенном плане с религиозными) институтов и групп, могущих этически, психологически, политически социально и т.п. проработать эти чудовищные события, — массовые эмоции гаснут, теряется восприимчивость и способность сострадать. Наступает характерное состояние бесчувственности, которое в истории России играет огромную роль как элемент общей системы адаптации к насилию, бедности, репрессиям властей и т.п.

Иначе говоря, работа массового сознания двинулась в направлении поиска аргументов, которые бы позволили удержаться от сочувствия, идентификации с американцами как страной, найти средства оправдания скептического или негативного отношения к действиям США. (В этом общественное мнение России заметно отличалось от ситуации в большинстве ведущих европейских стран, но было близко к мнению населения в восточноевропейских странах.) В первую очередь это касалось представлений о неэффективности операции в Афганистане или ее негативных последствий. (В частности, возникло мнение, которое разделяли 60% респондентов, о том, что "жертвы среди мирного населения Афганистане весьма, или даже чрезмерно велики" и исчисляются тысячами или даже десятками тысяч убитых, хотя реальной информации об этом не поступало — военная цензура США и их союзников довольно строго следила за этим. Это характерный пример негативной установки, особенно в сравнении с равнодушием к сообщениям прессы и правозащитников о жертвах в Чечне.) Массовые сомнения и неверие сопровождали ход антиталибской операции на протяжении всей осени и начала зимы, правда, и число тех, кто верил в успех американских действий против Вен Ладена, к концу года увеличилось.

То, что повышение уровня страхов перед войной, не случайное отклонение, а проявление определенной тенденции, указывает на рост общей, диффузной нелокализованной тревоги, которое можно интерпретировать как неопределенный рефлекс оборонно-мобилизационного сознания: в последние месяцы доля утвердительных ответов на вопрос: "Существует ли сегодня военная угроза со стороны других стран?", заметно повысилась — с обычных в последние три года 20–25 до 42% (январь 2002 г.). Опасность новой мировой войны стала, по мнению 37% россиян, гораздо большей, "осталась такой же" — 39, "стала меньше" — 9, затруднились с ответом 15%.

Одновременно можно говорить о появлении возвратных реакций, реанимации старых советских рефлексов — "нужно увеличить расходы на оборону, а армию, на военные цели, даже если это приведет к сокращению других статей госбюджета" — тезис, которой готовы поддержать 54% опрошенных (не согласны с этим 31%)*.

* Результаты февральского опроса 2002 г. ВЦИОМ полностью повторяют январские данные. Реакция общественного мнения на вопрос: "Что следует делать России в связи с декларацией США о намерении разорвать договор о ПРО от 1972 года?" была следующей: "увеличить финансирование армии и оборонных работ" (52%). Противоположное, более трезвое и рациональное мнение — "России не следует гнаться за США, наших ракетно-ядерных сил вполне достаточно, чтобы обеспечить сдерживание любого агрессора" — высказали только 31%.

На первый взгляд, если принять во внимание ситуацию в стране, недовольство правительством и жалобы на отсутствие социальной защиты, низкий уровень жизни, бедность или даже растущее обнищание населения, такая массовая реакция кажется абсолютно абсурдной, особенно учитывая отсутствие реальной военной угрозы, малую вероятность ее в общественном мнении. Но абсурдной она была бы, если считать, что массовое сознание работает по логике или по модели индивидуального, рационального и интеллектуально-ответственного мышления, организованного по принципу исключенного третьего и т.п. Однако, очевидно, что эти смысловые планы в массовом сознании не пересекаются и лежат в разных плоскостях. Поэтому более вероятным кажется предположение, что массовые представления о государственной казне остаются в последние годы такими же, что и в советское время, когда сама идея о возможности некоторого общественного или открытого контроля за распределением средств выглядела нелепой и в тех условиях — чисто прожектерской, соответственно, государственный карман мыслился как неопределенный, большой или даже неисчислимый источник средств, откуда всегда можно взять средства на то, на что нужно. И если это не делается, то только в силу каких-то особых зловредных соображений или частных, узкогрупповых корыстных интересов. Соображения о желательности тех или иных расходов никак не связаны с рациональной ответственностью и балансом "доходов и расходов", а указывают главным образом на изменения вектора массовых настроений. В данном случае это активизация защитно-компенсаторных комплексов государственного человека, сохранившихся с советских времен, но обычно пребывающих в полусонном состоянии, в ответ на увеличение ценностного "присутствия" темы Америки в мире. Массовое сознание, встревоженное событиями в связи с военной операцией в Афганистане, отзывается на настороженно-негативные комментарии прессы и политиков, с одной стороны, и сдавленно-раздраженные реакции элиты на односторонний выход США из договора по ПРО, вызвавшего приступ словесной агрессии у российских военных — с другой. 63% опрошенных беспокоит усиление военного присутствия США в Средней Азии (не трогает лишь 24%, январь 2002 г., N=1600 человек).

Суммарные соотношения угрозы западным странам от России и России от НАТО составляют в первом случае 24:64 (2001 г.) и 29:56 (2002 г.), во втором случае — 59:29 и 57:30, т.е. представления об угрозе переворачиваются. Но при этом США как военный противник видится лишь явным меньшинством — теми же 17% опрошенных (октябрь 2001 г., N=1600 человек):

Когда Вы говорите о третьей мировой войне, войну кого с кем Вы, скорее всего, имеете в виду?

1. США, Россия и их союзники, с одной стороны, против стран "мусульманского мира" — с другой (29%);
2. США и их союзники против мусульманских стран и их союзников; Россия остается в стороне и не участвует в столкновениях и боевых действиях (26%);
3. США и их союзники против мусульманских стран и России с ее союзниками (9%);
4. США и их союзники против России и ее союзников (8%);
5. Затруднились с ответом 28%.

Хотя вероятность быть втянутой на чьей-либо стороне равна 46% (довольно значительная величина!), но раздробленность мнений, неясность, кого с кем и против кого, делают эти реакции малозначимыми с точки зрения потенциала активной мобилизации.

Январский и февральский опросы 2002 г. подтвердили острые прогнозы общественного мнения относительно перспектив сближения с Америкой. Большинство опрошенных (в отличие от ненатурального энтузиазма

Таблица
Как Вы считаете, есть ли основания у стран Запада опасаться России? А у России опасаться западных стран, входящих в блок НАТО?
(в % от числа опрошенных, февраль 2001 и 2002 гг., N=1600 человек)

Вариант ответа	Западным странам опасаться России		России опасаться западных стран	
Определенно да	8	7	25	14
Скорее да	16	22	33	42
Скорее нет	39	38	22	23
Определенно нет	25	19	7	7
Затруднились ответить	12	14	13	14

одной части российской придворной политической элиты, старательно пытающейся истолковать неясную позицию президента и ухватить направление ветра, в то время как другая силится разыграть оппозицию антизападнического толка) считает, что отношения с США остаются примерно такими же, что и раньше (53%); что происходит принципиальное сближение политики двух стран верят лишь 21%; третьи считают, что уже имеет место взаимное разочарование и ухудшение отношений (10%). В принципе сближение с Западом общественное мнение расценивало бы как весьма желательное по самым разным причинам — здесь и сильные ожидания покоя и стабильности в мире, некоторых гарантий международной безопасности, но и существенно менее определенные ожидания, что подобное сотрудничество принесет известное улучшение экономической ситуации в стране, будет способствовать оживлению промышленности и, соответственно, будет иметь косвенную пользу для рядовых потребителей. Однако эти надежды сдерживаются привычным пониманием, что от самих обывателей ничего не зависит, а власти ведут собственную игру, в своих интересах, которую можно одобрять или поддерживать, но которая мало связана с реальными проблемами жизни населения. Отсюда и известная пассивность и неопределенность в ответах на вопрос: "Надеетесь ли Вы на то, что В.Путин сможет улучшить отношения с Западом?" Наибольшая группа опрошенных вежливо отвечала: "Да, в какой-то мере надеюсь" (42%); "определенно надеюсь" твердые сторонники В.Путина (26%); не имели каких-либо надежд 20% и затруднились с ответом чуть больше 11%.

Усиленно дискутируемые в прессе и в политических кругах вопросы: можно ли считать новый тон в отношениях России с США "коренным переворотом в политике наших стран", принципиальным сближением и началом тесного сотрудничества или даже союза? — общественное мнение воспринимает с откровенным недоверием. Лишь 20% опрошенных считают, что речь идет о совершенно новой фазе отношений России и Запада, большинство же настроено скептически (35% полагают, что, может быть, и выйдет что-то из этих разговоров, 26% говорят, что едва ли, а 7% ожидают лишь ухудшения отношений). Более реальным нашему населению представляется, что вслед за жестами партнерства может последовать некоторый торг между российским и американским руководством: быть может, за этим последует определенная экономическая помощь, например, при вступлении в ВТО или облегчении торговых барьеров, а может быть, даже списание части наших долгов (хотя соотношение допускающих и сомневающих здесь скорее отрицательное — 39 к 45%). Но главное, чего, согласно большей части опрошенных, удастся добиться российскому руководству от своих партнеров в Америке — это ослабления критики за веде-

ние войны в Чечне, проявления известной терпимости в оценках действий федеральных войск (здесь соотношение мнений выглядит так: 55% допускают такую возможность развития событий; 27%, т.е. вдвое меньше, в это не верят). А поэтому, если Россия не получит немедленных выгод от сближения с Западом, то, по мнению большей части опрошенных (42 против 38%), ей следует искать более выгодных партнеров и не слишком рассчитывать на "новый курс".

Никакой солидарности по отношению к Западу как коллективной силе россияне не допускают — всего 7% согласны с тем, что необходимо поддерживать санкции Запада против Ливии и Ирака (еще 20% считают их, как и в советские времена, историческими союзниками России). Самая большая группа опрошенных (40%) вполне цинично считает, что России следует постараться извлечь выгоду из конфликта противостояния западных и арабских стран, прочие же, а их треть от всего числа опрошенных, не имеют своего мнения и затрудняются с ответом.

Российский антиамериканизм. Образ США для советского и постсоветского массового сознания содержит несколько планов, разных по времени появления, но сохраняющих при определенных условиях прежние значения. Если даже забыть о необыкновенной притягательности в начале 20-х годов для ангажированных просоветски настроенных интеллектуалов американского прагматизма и рационализма (как пример — создание гостевского Института НОТ), воспринимавшихся как первые признаки подлинно новой эпохи, возникновение совершенно нового мира, оставив в стороне собственно идеологические обстоятельства, то и тогда история советской модернизации будет полна свидетельствами то явного, то скрытого параллелизма СССР и США. Новое отношение к Америке, ставшее в определенном смысле одним из опорных элементов советского сознания, начало закладываться в период первых пятилеток, в эпоху форсированной индустриализации, проводимой на базе иностранных технологий и при участии приезжих специалистов. Мировой экономический кризис в конце 1920-х годов, и особенно Великая депрессия в США позволили советской администрации за относительно невысокую цену приобретать и импортировать оборудование, технологию, привлекать специалистов для быстрого создания в СССР основы будущего военно-промышленного комплекса. Высокие оценки и признание достоинств американской экономики и техники на деле с самого начала были характерными для советского руководства, безуспешно пытавшегося внести дух тейлоризма в коммунистическое строительство (соединить "коммунистический размах" с "американской деловитостью"). Многие будущие начальники косыгинского поколения партийно-хозяйственного руководства знакомились с американской организацией производства в самих Штатах (хотя и не все уцелели после этих командировок). Военное время еще больше усилило связь с США (через ожидания второго фронта, лендлизские поставки, "встречи на Эльбе" и пр.).

С началом "холодной" войны ситуация резко изменилась: все происходящее стало восприниматься через призму противостояния двух миров, возможной в близком будущем войны двух систем, двух цивилизаций. Отношение к США стало частью культуры мобилизационного и репрессивного советского общества.

Сегодня из этих планов действителен лишь один. Практически полузабыты или потеряли социально-политическую актуальность ранние значения Америки (колониальной или романтической Америки, капиталистической, как она представлена в различных американских романах или голливудских фильмах, путевых очерках советских

журналистов, вроде М.Горького, Б.Пильняка или "Одноэтажной Америки" И.Ильфа и Е.Петрова, ставшей почти каноном понимания всего американского), почти стерт план военных отношений союзников по антигитлеровской коалиции, затем — пропагандистские клише, спускаемые сверху по всем официальным каналам массовой информации, через школу (среднюю и в еще большей мере высшую), армию и др. и воспроизводящие образ тотального врага, несущего угрозу полного уничтожения советского общества. Функциональная роль этого абстрактно-пропагандистского плана заключалась в обеспечении массовой поддержки системе организации социальной жизни и управления, в установлении блокады или изоляции против враждебного или разлагающего (этот репрессивно-мобилизационный режим) "западного" влияния. Однако то, что собственно "разлагало" этот режим, представляло собой либо утопию чисто модернизационных и универсалистских ценностей и идей, подавляемых и цензурируемых, знаний, в том числе и чисто технических, в которых система остро нуждалась, либо же партикуляристские, сентиментально-потребительские ценности частной, не идеологической повседневности (дом, автомобиль, известное благополучие, досуг и сфера "свободного времени", свобода впечатлений и перемещений, нерепрессивные отношения между людьми, модные вещи и бытовая техника, аффективно-психологическая индивидуальная жизнь и пр.).

Соединение этих разнородных значений (державно-государственного, мобилизационно-героического и повседневного-консьюмеристского), за которым стоял и разный образ человека, и разные типы социальных, групповых или институциональных отношений, могло происходить только двумя способами: либо разнесением различных норм действия по времени или пространству, т.е. по ситуации и составу участников взаимодействия; партикуляризацией групповой и институциональной структуры действия, табуированием границы между ними, проведением запрещающего барьера между самими этими сферами, либо же ироническим обыгрыванием самого барьера в анекдотах, ценностным снижением носителя запрещающей нормы, переворачиванием отношений "мы—они", но с сохранением самой структуры зависимостей. В любом случае двоемыслие являлось механизмом соединения принципиально гетерогенных и функционально различных планов значений: угрозы и привлекательности. В разном виде и разной функциональной роли это могла быть социальная "шизофрения" как набор логически "противоречивых" средств адаптации к разнородным ситуационным императивам действия (сохранение нерационализированными отношений между интересами и идеями, идеологическими комплексами, через придание им разных модальностей существования — мечтательность желаний, дополнительная ценность) или компенсаторность самого акта переживания желаемого ("духовность"), но не мотивация его достижения, однако это могли быть и цинизм, равнодушие, стес, конформизм и пр. Только то, что приобретает сверхценный характер, становится пугающим и утопически желаемым, может превращаться в массовый культ импортного ширпотреб (своего рода советский вариант культа карго), анекдоты времен "холодной" войны, снижающие напряженность разрыва разных планов и защищающие личную идентичность от фрустраций неадекватности.

Для советского (и в значительной степени постсоветского) общества США — это квинтэссенция идеализированных представлений о Западе, воображаемом состоянии общественной развитости и обеспеченности. Характерно, что эти представления касались в основном именно результатов развития, не включая ни социальных институтов, сделавших возможным само это движение, ни тех

человеческих, моральных и социальных качеств, без которых эти институты не могут функционировать. Современность воображалась как желаемое состояние, а не как система институциональных правил и человеческих отношений.

Борьба с низкопоклонством перед Западом, с космополитизмом, изоляционизм во времена "холодной" войны лишь усиливали напряженность мифологического образа "Америки". Но сам американский миф не просто сохранялся, он действовал развешивающе на всю официальную атмосферу героически-аскетического существования советского общества. Советская пропаганда строилась на апелляции к символам будущего процветания и знакам советской державной мощи в настоящем. Американские же вещи, попадавшие в поле зрения обывателя (зрителя кино, очевидца, редкого обладателя реальных предметов — авторучек, одежды, аппаратуры и пр.) — воспринимались как знаки повседневности, чужой частной и благополучной жизни. Утопические представления о жизни в "нормальных странах" спокойно уживались с газетным обличением буржуазии и антиамериканизмом.

Зависимость и желание понравиться, агрессия и комплекс неполноценности — все это выдает отношение к Америке как к сверхценности, источнику самых сильных и важных значений, стране, которая выступает как образ недостижимого благополучия и норма отчета других. Это центр мира, зона сосредоточения иллюзорных представлений, но не стремлений, не активного действия. Преодолеть этот комплекс зависимости от Америки означало бы признать не одно только техническое, но и цивилизационное, культурное превосходство американского общества, постараться усвоить те ценности, правила социального взаимодействия, результатом которых стал подобный мировой социальный успех, что, разумеется, невозможно.

Соответствующая двойственность не заканчивается с перестройкой, но меняется по составу и силе. Мифологические представления о США как утопии современности с расширением круга информации и вторжением массовой культуры, доминированием в СМИ, исчезновением потребительского дефицита не слабеют, а приобретают новый характер, воспроизводя раз за разом структуру ущемленного сознания, напоминающую симптомы социальной паранойи или, по крайней мере, ее остаточные или ложные формы. Сохранение партикуляризма, "свой—чужой", обеспечивающее картину реальности, является более важным обстоятельством, нежели декларативная приверженность универсалистским ценностям (это, собственно, и есть механизм блокировки модернизации).

Кажущиеся самоочевидными и понятными, лежащими на поверхности внешнеполитические представления на самом деле далеко не так однозначны и не сводятся к вопросам о соотношении сил и опасностей, могущих простекать из соперничества двух супердержав. Более важным является план самоидентификации, в котором США играют роль конфигурации значений, инстанции, служащей для оценки себя "чужими глазами", т.е. мерой "нормальности", приближения к предельной норме возможного, а соответственно, и фантазий о социально возможном как таковом.

Если первые идеологические клише — соединение тейлоризма и коммунистической идеологии, "американской деловитости" и "коммунизма": "надо научиться делать как в Америке, но по-своему, на свой социалистический манер и для своих целей и нужд, а самое главное — у нас лучше, чем у американцев" (в момент пика массовой вертикальной мобильности в 60-е годы и максимума инвестиций в науку и образование), то потом это все больше превращается в меру негативной оценки по модели: "ни то, ни то, ни то", "вот у них..." Иначе говоря, как позитивные, так и нега-

тивные представления не просто образуют довольно сложную амальгаму, а составляют своего рода слоеный пирог значений, в котором предшествующие значения не исчезают полностью, а задают базовый уровень оценок, от которых отталкиваются и с которыми спорят, соглашаются, которые принимают как безусловные истины, символы веры или в качестве пропагандистских мифов и хорошо узнаваемых по своему социальному источнику штампов. Сами по себе эти "базовые уровни" воспроизводят пласты не столько просто модернизационной идеологии или мифологии, сколько, учитывая сокращающееся время и объем памяти поколений, актуального присутствия Америки в русской истории нового времени, следы деятельности или репродукции разных функциональных институтов и подсистем, обладающих, как микрочастицы, "разным временем" жизни. У разных групп и поколений, конечно, это будут свои "базовые" уровни очевидности. Поэтому и разные фазы отношения к США содержат разные типы антиамериканизма, следы усвоения и опыта, следы реакций на социальное развитие, неодинаковые по семантике средства блокировки модернизации. Если раньше полагали, что противостояние в "холодной" войне США и НАТО и СССР — социалгея обеспечивается напряженным поддержанием паритета вооружений, армий, разведки, режима бдительности и пр., то сегодня любые действия США воспринимаются как продолжение той же политики и тех же целей, но другими средствами: подчинение экономики, навязывание невыгодных условий торговли, политический диктат, но уже экономическими средствами. Представить себе, что цели США могут быть иными, невозможно, ибо это означает обесценивание России и самих себя, утрату самоценности и соответствующей идентичности. Поэтому любые действия США интерпретируются и конструируются только в таком смысловом контексте. Данная ситуация не развивающаяся, а сохраняющаяся или воспроизводящаяся каждый раз на новом материале — это может пониматься как уничижительная гуманитарная помощь, косовский кризис, чеченская война, несправедливое судейство на Олимпиаде в Солт-Лейк-Сити (вплоть до того, что администрация Буша оказывала давление на судей — американский вариант теллефонного права) и т.п.*

Антиамериканизм, таким образом, предназначен исключительно для внутреннего пользования и не адресован самим американцам. Это средство ощутить себя значимым, проявить себя, свои ценности, то, что еще важно для нас (в противном случае это все рассыпается и не образует коллективного единства национального или культурного "мы"). Если я ненавижу, то я существую. Другими словами, сохранение негативного образа США в наших условиях будет свидетельствовать о консервации социальной системы, структуры массового сознания, нуждающегося в образе центрального врага.

* На вопрос: "Как Вы думаете, почему западные страны осуждают политику российского руководства в Чечне?", 65% опрошенных отвечают, что они заинтересованы в сохранении напряженности в регионе" и лишь 14%, "что они обеспокоены нарушениями прав человека в Чечне". Среди последних пропорционально заметно меньше интеллигентных людей и с высшим образованием. Иначе говоря, почти любой повод сегодня может превращаться в тот или иной фантом ущемленного сознания, стать предлогом для истерической реакции и растравливания национальных обид, вроде тех, которые последовали на зимней Олимпиаде 2002 г. в связи с допинговыми скандалами. Как всегда, лучше всех это удается В.Жириновскому, мгновенно связавшему Олимпиаду с Отечественной войной, назвавшему ее продолжением войны, а нечестное судейство — мстостью России за победу.

Антиамериканизм и терроризм. Неприязнь к Америке рождается из двух источников. С одной стороны, то, что XX в. по праву может называться веком Америки. Немыслимый и трудно переносимый успех США, ставших не просто лидером XX столетия, но и потянувших за собой многие другие страны, их богатство и мощь требуют своего объяснения. С другой стороны, отвергая американский образ жизни, отказывая американцам в культуре, надеясь их многочисленными недостатками, их критики явно или неявно противопоставляют им собственные достоинства и качества, в том числе и свои национальные ценности (реальные или мифологические). Таким образом, культивировать ненависть к Америке — самый эффективный и дешевый способ национального или социального самоутверждения для элит и групп, озабоченных проблемами развития своих стран. В этом смысле антиамериканизм — это консервативная и защитная реакция на процессы незавершенной модернизации. Он не возникает в совсем уж неразвитых и бедных странах, равно как и в полярных социальных средах развитых обществ (среди самых обеспеченных и самых бедных). Антиамериканизм — следствие промежуточности состояния, когда уже усвоены внешние формы современного поведения, технологическое знание и навыки, но отсутствует признание, значимость и действенность тех глубинных культурных механизмов, которые и обусловили динамичное и интенсивное развитие американского общества. Подобное состояние можно назвать незавершенной модернизацией.

Ничего особенно нового в негативном отношении к Америке нет. Это разновидность хорошо известного идеологического рессентимента бедной провинции к богатой и мощной метрополии, столице, центру мира. (Хотя это же могло бы стать способом постепенного усвоения значений более высокой цивилизации — через демонстративное неприятие ценностно-символического ядра представлений, но тем не менее с успешным присвоением достижений науки, техники, удобства, достатка, комфорта и безопасности.) Подобный негативизм возникает внутри самой цивилизации современности, но, как правило, на ее периферии, расширяющейся и втягивающей в себя новые слои и группы. Терракты совершают не погонщики верблюдов, а люди, получившие образование в европейских или американских университетах, прожившие несколько лет в европейских странах и США. Это, как и русские народолюбцы, образованцы, "интеллигенты в первом поколении". Акт террора такого масштаба — это отказ от универсалистских норм морали и возвращение к племенной этике, трибализму, резкому упрощению конструкции реальности, выступающему в качестве предпосылки этноконфессиональной мобилизации. Здесь совершенно не важны масштабы проективной целостности и апеллятивной общности, солидарности. Более важным следует считать саму структуру или механизм идентификации — от противного, от врага, от "инога" как условий позитивного самоопределения и самоконструирования. Наиболее чувствительны к такому способу самоконституции или самоорганизации, функциональной деятельности слабые и зависимые элиты, не просто эксплуатирующие партикулярный ресурс, но пытающиеся, как на ранних фазах национальной консолидации, соединять смысловые производства с государственной политикой (вроде доктринального антисемитизма), ввести монополию на ценности и культурные смыслы, подвергнуть их жесткому социальному контролю, что крайне опасно в дифференцированных обществах.

Антиамериканизм — вторичное, теневое явление, совокупность разнообразных защитных реакций слабых обществ или периферийных групп на слишком сильную

массовую притягательность образа США*. Поэтому отношение к США, естественно, не сводимое только к антиамериканизму, гораздо больше свидетельствует о характере данного субъекта отношения, чем о самой Америке.

Терракты 11 сентября в городах Америки показали силу ненависти или, по меньшей мере, раздражения, вызываемых США в мире. За осуществлением атак зданий Всемирного торгового центра не последовало никаких действий, которые бы объясняли смысл происшедшего, как это обычно бывало после террористических действий, совершаемых палестинскими боевиками, ирландскими или баскскими националистами, сторонниками крайне левых организаций в Латинской Америке или в Европе. Никто не выдвигал никаких требований, не вступал в переговоры, за этими событиями не последовало ничего из типично ожидаемого. Единственная версия происходящего была предложена официальными лицами США. Она основывалась исключительно на материалах разведки или спецслужб и сводилась к тому, что эти нападения были совершены членами "Аль-Кайеды", одной из 28 террористических международных организаций, ведущих борьбу с США, что сами эти акты — продолжение предыдущих нападений на американские посольства и военные объекты за пределами США. Эта версия и была с течением времени принята большей частью мирового сообщества. При этом, однако, внятного объяснения действий террористов от их соотечественников и руководителей до сих пор не последовало. В этом смысле сами акции нельзя рассматривать как социальное взаимодействие с противником в собственном социологическом смысле, предполагающем понимание намерений партнера, взаимобратимость смысловых перспектив действия, вероятность ясного понимания смысла акта.

Акции 11 сентября были на первый взгляд лишены какой-либо практической цели и разумного плана последующих действий. В этом заключается их отличие от военных действий, имеющих, по крайней мере, в ходе самого их ведения, целерациональный, инструментальный характер (уничтожение противника или как минимум принуждение его к определенным действиям), или террористических операций народолюбцев, "Бригад Красной Армии" и подобных других радикальных организаций, задуманных как более или менее конкретные средства давления на правительства или его шантажа (например, требований выпустить находящихся в заключении членов организации или предоставить денежный выкуп, произвести какие-то иные действия и пр.), т.е. представлявших частью каких-то политических планов по общественной дезорганизации, мобилизации каких-то депрессивных или радикально настроенных групп и т.п. Необъявленность "авторов" сентябрьских нападений влечет две совершенно различные версии происходящего: 1) она манифестирует самоочевидную тотальность противостоящих миров, уже не требующих специального объяснения, ибо "и так всем все понятно"; 2) акция своей инструментально-рациональной стороной обращена не к США и западному миру, а к собственным сторонникам. В этом случае ее эффект предопределяет повышение статуса лидера и организаторов среди: а) членов сетевой террористической организации; б) самой организации среди других подобных объединений, а их участников в целом (активистов, организаций); в) среди пассивных участников (зрителей) — населения и руководства стран, рассматривающих себя как оппонентов США. Выбор подоб-

* См. аналитический обзор различных версий европейского антиамериканизма в докладе Б.Дубина, представленном на конференции "Антиамериканизм в современном мире" (Неаполь, апрель 2002 г.).

ного опосредованного действия (бриколаж) становится вполне рациональным и возможным в тех странах или обществах, где обширная и неконтролируемая власть принадлежит какой-то несменяемой — традиционным или легальным образом — группировке, династии, деспотии, не выражающей, по мнению лидеров оппозиционной или борющейся с ними группы, организации, движения и т.п., интересов широкого целого (стран подлинного ислама, мира обездоленных, пролетариата, и пр.), но не могущей быть убранный имеющимися в распоряжении средствами. В этих условиях акт символического унижения или уничтожения супердержавы, сосредоточия какого-то тотального зла может восприниматься сторонниками конкурирующей за "престол" младшей ветви или радикальной группировки, экстремистского движения или религиозно-сепаратистского течения как легитимистские основания на авторитет в борьбе с "развращенной", "коррупцированной", прогнившей и т.п. властью. Здесь террористический акт такого масштаба и толка может быть ценностным основанием или признаком новой легитимности, претензий на власть, а антитрадиционные формы и средства действия могут иметь собственное внутреннее оправдание внутри противоречивого мира "своих" (борьбы за авторитет, статус, обладание ресурсами и возможности признания).

Именно эта схема в наибольшей степени напоминает ситуацию, сложившуюся в Саудовской Аравии и отчасти в других "эмиратах", где доходы от нефти позволили создать фантастическое традиционалистское общество благосостояния без соответствующей модернизационной социальной структуры и базы в виде человека определенного типа и накопленного человеческого капитала. Циничная и прагматическая верхушка монархии, члены которой получили вполне современное образование, для поддержания своей лидерской роли в исламском мире сама готова подпитывать разнообразными радикальными движениями и организации антизападной направленности, лишь бы отвести от себя угрозу переворота, острей фундаменталистской или ревизионистской критики обвинений в разврате, разложении, роскоши, сотрудничестве с Западом, иноверцами, измене идеалам и принципам ислама и пр. Многочисленные боковые линии конкуперентов за престол или радикальных, антивластных группировок внутри самого этого общества вполне могут создать достаточно влиятельную среду, в которой реализация подобного замысла была бы встречена с полным пониманием. Какую-то информацию или картину происходящего в этом роде и пытается донести до мировой общественности американская администрация, скупо дозирующая имеющиеся в ее распоряжении сведения о заявлениях и выступлениях Бен Ладена, его обращениях к своей аудитории, его рассуждения о грабеже транснациональными корпорациями арабских стран, несуразности нынешних цен на нефть, США как воплощении зла в мире и пр.

Другими словами, латентный смысл этой акции связан с задачами интеграции исламского населения и негативной консолидации сторонников воинственного ислама, а внутри этого круга — с более узкими и направленными на чисто прагматические цели: с борьбой за власть или за распределение влияния и престижа, ресурсов и пр., допустим, в той части исламского мира, которая враждебно настроена по отношению к США.

Вполне возможно допустить, что разведение этих планов довольно условно, что все действие имеет относительно сложную рефлексивную структуру, и один предполагает другой или другие, т.е. узкоинструментальные смыслы действия, становятся возможными лишь при посылке силы и значимости действия, приобретающего символический смысл. А как можно выразить подобный символический, не инструментальный характер действия? Только

подчеркнув его нецелевой характер, сломав стереотипные ожидания непосредственно практического эффекта как признаки рациональной конструкции действия. В этом плане только сам способ их совершения, а также само множество жертв, заведомо не причастных к вменяемой идеологией террора национальной "ответственности" США, последовавших за самолетными атаками на здания, абсурдность и брутальность акта, нарушающая любые социальные конвенции сколько-нибудь развитых обществ (не убий, не используй без надобности средств, которые представляются ненужно жестокими), негласными представлениями о том, что можно, а что нельзя. Сам самоубийственный тип поведения исполнителей будет составлять собственно грамматику, синтаксис и семантику, знаковый код символического действия, лишённого прямого и артикулируемого утилитарного и практического смысла. Само по себе фанатичное самопожертвование или самоубийство исполнителей также указывает на предельный ценностный ранг события и действия, но и без этого кажущейся бесцельной жестокости вполне достаточно, чтобы подобный "message" был ясно прочитан. Брутальность здесь и есть символ непримиримости и абсолютности противостояния, снять которое можно лишь через полное уничтожение, отрицание другой стороны. Поэтому совершенно неважным является то обстоятельство, каков реальный практический эффект террористического акта, каков масштаб вреда или поражения, нанесенного Америке (ясно, что даже десятки таких актов не в состоянии разрушить или парализовать или каким-то иным образом реально уничтожить эту страну). Но для символического жеста ценностного уничтожения врага этого совершенно достаточно.

Разумеется, это не более, чем один из многих вариантов гипотетической реконструкции неизвестного нам или не очень понятного смысла произошедшего теракта. Но как бы то ни было, ценностно-символический характер этого нападения на Америку совершенно очевиден и природа этой очевидности должна быть предметом собственно социологического анализа.

Антиамериканизм, разумеется, не сводится к враждебности исламских или арабских радикалов, он широко распространен и в Европе, причем не только среди националистически настроенных французов, немцев, итальянцев и других, но и среди более рафинированной публики, задающей тон в обществе, равно как и в Азии (например, в Японии, Индии или Китае), в Латинской Америке, в Африке, ну и, конечно же, в России. Идеологически он питается самыми разными идеями и принципами, ничего общего между собой не имеющими, кроме как неприятием США. Неприязнь к этой стране соединяет и представителей клерикально-католической критики капитализма (капиталистического духа рационализма и материализма, стяжательства, индивидуализма и пр.), и иранских аятолл, европейских левых интеллектуалов и палестинских боевиков, маоистов, коммунистов и антиглобалистов, а теперь и террористов Бен Ладена. Более того, в самих США, по крайней мере, до недавних событий, многие социологи, публицисты, литераторы писали о глубоком неприятии американского общества и американской культуры*.

США вызывают к себе нелюбовь, если не сказать ненависть, гораздо большую, нежели какой-нибудь диктаторский режим, уничтоживший значительную часть и своего, и чужого народа. Попытки рационалистически объяснить этот взрыв ressentimentа, как это часто сегодня делается в России, памятью о Хиросиме и или бомбар-

* Холландер П. Антиамериканизм рациональный и иррациональный. СПб., 2000. С. 32.

диворками Сербии, не выдерживают никакой критики, ибо, если бы дело было в этом, если судить по числу жертв, то преступления японцев в Китае, уничтоживших во время Второй мировой войны более 6 млн человек, или их жестокость в Юго-Восточной Азии в десятки раз превосходит последствия атомных бомбардировок, равно как и численность жертв этнических чисток С.Милошевича среди албанцев, убитых хорватов, боснийцев и жителей других республик бывшей Югославии в ходе четырех войн, развязанных коммунистической Сербией под его руководством, никак не могут быть сопоставимы с числом погибших в ходе натовских ударов. Говоря о цифрах убитых, я никак не собираюсь этим оправдывать сами действия США (и в том, и в другом случае), поскольку в моральных счетах никакая арифметика не допустима, но обратить внимание на эти несообразности в рассуждениях российских политиков и лидеров общественного мнения, полагаю, следует, поскольку это проливает некоторый свет на природу сверхценного отношения к Америке. Сам по себе факт массового убийства людей в XX в. к концу столетия вне отношения к месту действия настолько рутинизировался, что едва ли взволновал бы и идеологически ангажированную публику, и массы в разных странах, как мы видим это прежде всего на примере собственной страны, где действуют сильнейшие защитные барьеры этической глухоты и эмоциональной тупости в отношении информации о подобных событиях. Но даже, казалось бы, гораздо более обостренно и сострадающе реагирующая публика западных стран тоже остается довольно равнодушной и отстраненной к сведениям о регулярно повторяющихся случаях племенного геноцида в разных частях Африки или Азии. Стало быть, общественное мнение реагирует только в тех случаях, когда затрагиваются либо болезненные точки коллективной идентичности, либо важные социальные интересы, например, безопасность и благополучие жителей соседних стран, которым грозит поток беженцев из зон неблагополучия, беспорядки и прочие неприятности.

Андрей ЗДРАВОМЫСЛОВ

Национальное самосознание россиян

"Они" и "Мы" — внешнеполитический аспект национального самосознания. Национальное самосознание россиян обладает динамичной структурой, реагирующей на всю совокупность изменений, происходящих как внутри страны, так и в ее внешнеполитическом статусе. Наше исследование и прежде всего сопоставление результатов опросов 2001 г. с предыдущими опросами позволяет проследить направленность сдвигов в национальном самосознании.

В первую очередь обратим внимание на то, насколько изменилось общее восприятие "Запада" в массовом сознании россиян (табл. 1).

В рамках предложенной формулировки вопроса на протяжении ряда лет обнаруживается достаточно устойчивая картина. Доля населения, считающего, что западные страны "искренне хотят помочь России", была невелика: и в 1995 г., и в 1997 г. не превышала 7% (!), а в 2001 г. значительно уменьшилась при увеличении доли тех, кто полагает, что "западные страны хотят ослабить Россию, превратить ее в зависимое государство".

Одновременно увеличивается доля тех респондентов, которые выражают озабоченность судьбами России, ее внешнеполитическим авторитетом. Обратим внимание на суждения, представленные в таблице 2.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос об отношении развитых стран Запада к России за ряд лет (в % от общего числа опрошенных в каждом году)

Вариант ответа	1995 г.	1997 г.	2001 г.
Эти страны искренне хотят помочь России	7	7	5
Судьба России им безразлична, они решают у нас свои проблемы	44	46	44
Западные страны хотят ослабить Россию, превратить ее в зависимое государство	31	31	37
Затрудняюсь ответить	14	16	14

Таблица 2

Шкала согласия с суждениями о России (в % от общего числа опрошенных)

Суждение	1995 г.	2001 г.
Россия — великая держава, она должна заставить другие государства и народы уважать себя	82	85
Россия тяготеет скорее к Востоку, чем к Западу	12	20
России грозит агрессия из-за рубежа	18	40
Только подняв экономику и утвердив демократию, мы заставим мир себя уважать	85	84
Нужно повернуться лицом к миру, стать такими, как все	62	42

Как видно, за шесть лет очень сильно выросло ощущение внешней опасности (более чем в два раза), стремление к "Востоку" ради баланса отношений с "Западом" и несколько увеличилась доля тех, кто настаивает, что Россия как великая держава *должна заставить* другие государства и народы уважать себя. Существенно уменьшилась доля тех, кто считает, что надо "повернуться лицом к миру, стать такими, как все". В то же время нужно отметить, что с тезисом об "агрессии из-за рубежа" и "тяготении России к Востоку" не согласна даже в 2001 г. почти четвертая часть респондентов.

Понятия "Запада" и "России" для рядового респондента остаются весьма общими категориями. Поэтому весьма важно попытаться конкретизировать эти понятия с помощью отслеживания оценок конкретных стран современно мира. В связи с этим обратим внимание на динамику оценок десяти стран, представляющих как "Запад", так и "Восток", и на следующие сдвиги.

Во-первых, резко изменилось положение стран на шкале сравнительных оценок. В 1995 г. США занимали первое место по доле положительных оценок, теперь они отошли на восьмое место (!), приблизившись вплотную к странам, у которых доля положительных оценок превышает долю отрицательных. Германия и Япония поднялись на одно место за счет США. Китай опередил США по доле положительных оценок.

Во-вторых, по всем странам, за исключением Ирака, заметно увеличилась доля респондентов, затруднившихся с ответом. Это означает, что население в целом стало более осторожным в высказывании своих внешнеполитических симпатий и антипатий, что период эйфории по отношению к внешнему миру в значительной мере закончился.

В-третьих, заметно уменьшились доли положительных оценок по *всем странам*. При этом снижение доли симпатий произошло отнюдь не равномерно. Рисунок 1